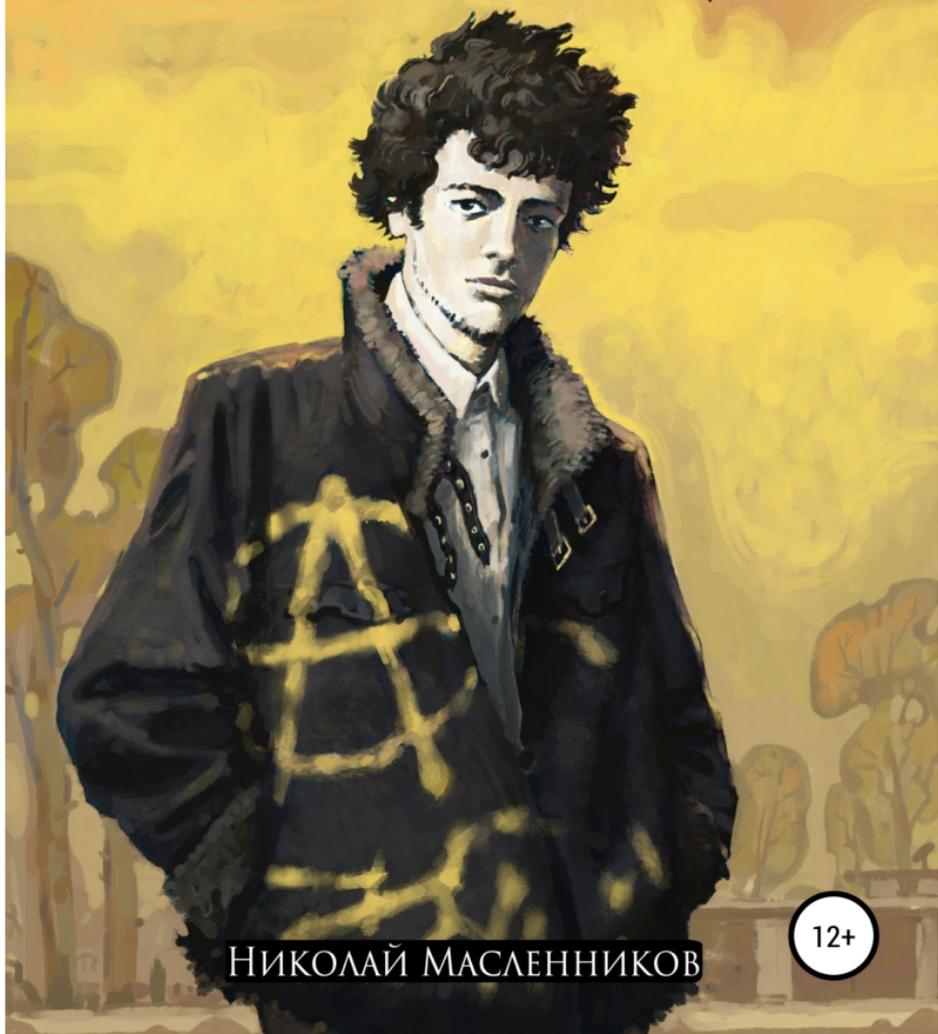

ЧЕРНЫЙ КУРТЕЦ

или Приключения Ромы Зубренко

НИКОЛАЙ МАСЛЕННИКОВ

12+

Николай Александрович Масленников

Черный куртец или

приключения Ромы Зубренко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43432909

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-08587-9

Аннотация

«Черный куртец или приключения Ромы Зубренко» – это эпопея развития человеческого характера, а проще говоря, добрая история про паренька, который наблюдает жизнь с ее семимильными шагами и меняется вместе с нею, держа на плечах черную дубленку. Вам придется по душе следующие страницы, ведь в каждого из нас порою вселяется Рома Зубренко!

Содержание

Предисловие	4
Часть первая	7
Часть вторая	35
Часть третья	66

Николай Масленников

Черный куртец

или приключения

Ромы Зубренко

Предисловие

В школе я учился на тройки, однако не потому, что был несмышленым мальчиком, а потому, что я всегда был заложником своих душевных позывов, которые зачастую не совпадали с вещами обыденными. Если мне нравилось какое-либо дело, то я уходил в него с головой. Так, в молодости я хотел стать киберспортсменом, но у меня не вышло, и я стал писателем. Даа... писательское поприще дело непростое, особенно когда мысли отказываются приходить в голову, предложения получаются какими-то несуразными, а слова не клеятся между собою. В такие моменты, называемые кризисом, главное не отчаиваться; лично мне в голову сразу лезут дурные мысли типа «неужто мне это не под силу», «может я и вправду такой бездарный», но вдруг вспоминаю, что у всех на пути бывают трудности, и я просто

меняю с привычной рабочейей на праздничную обстановку – к примеру, заглядываю в бар. Помню пору, примерно конец января, когда все студенты закрывают сессию, наступает Татьянин день, я вдруг оказался в баре. Там было душно и пахло спертым табачным дымом, однако после крепкого мороза это казалось мне приятным; там было тесно, у барной стойки требовалось стоять минут пятнадцать за кружкой пива, но... но мне было совсем не жалко своего времени: я чувствовал вокруг праздник, задор и беззаботное веселье. Я стоял, наблюдал, и мне ни капельки не хотелось разговаривать, дабы не расплескать восторженного чувства – таким уж человеком я вырос. С кружкой светлого я ходил по кабаку и совершенно не знал, куда бы приземлиться; но в конечном итоге все-таки нашел местечко. Я сел, расслабился, большими глотками, но без спешки, выпил кружку пива. Вторая стояла рядом и уже улыбалась мне, когда я достал свои рукописи, или как выражаюсь я – писанину. И, знаешь, в момент, когда музыка орет у тебя над ухом – а в кабаках нынче играет рок, – одною рукою держишь чесночную гренку, перед носом постоянно мельтешат люди, да в голове возникают догадки, что же думают те две девицы на мой счет, ко мне приходит презренная свобода выражения. Я уже не думаю, как лучше донести мысль, а просто щеголяю словами на бумаге. Именно в это время, с улыбкой на лице, с теплыми чувствами в груди, придержививая лирическую нотку на уме, я написал «Черный куртеец или приключения Ромы

Зубренко»... ну так и давайте же я вас с ним познакомлю!..

Часть первая

1

Небо расстелилось ярким голубым покрывалом, на котором нет ни единого пятнышка. Под пристальным взором солнца из-под большого грязного сугроба струятся золотом ручейки. Улицы кишат людьми – все вылезли поглазеть на первые вздохи весны... виноват, вылезли все, кроме одного – девятнадцатилетнего Ромы Зубренко. Он стоит у своего окна и, вскинув руки к голове, любителю первым солнечным днем, явившимся после долгого серого месяца. Сказать честно, чувство, которое он испытывает, намного острее и ярче играет в его груди, нежели у всех этих бродячих по улице людей. Его любовь к природе подобна любви ребенка, она чиста и ни капли не осквернена ядом времени.

– Эх, как хорошо! – сказал он и вдохнул полной грудью. – Прекрасно. Просто прекрасно!

Он постоял еще пару минуточек, прежде чем подпрыгнуть на месте. Блаженный прищур вдруг пропал, глаза силой выпятились и выразили удивление. Рома вспомнил про книгу.

«Что же произойдет дальше? Вдруг она его узнала? Неужели поняла, что граф Монте-Кристо – это Дантес?! Господи, как же его жалко... и ее вроде тоже жалко, она выгля-

дит подавленной... хотя, она этого заслуживает» – летало в его голове, пока он судорожно листал страницы и все никак не мог найти подвернутую.

2

После каждой главы Рома делал перерыв. Затем ли, чтоб ослабить эмоциональный накал, аль целью его являлась приумножить наслаждение в силу томительного ожидания? Возможно, он не любил напрягать мозг столь продолжительное время? – догадки многочисленны, потому что правда не открыта нам. Известно лишь, что Роман опять находится у окна, потягивает сигарету и любит закатом. Сперва закат был легкий, цвета персика; но позже, обиженный своим уходом, он напрягся, засопел и стал красным.

Рома целый день находился дома один, чему был несказанно счастлив. Для счастья ему не требовалось многого: лишь музыка, книга, сигарета и одиночество... да, одиночество – самая важная деталь. Стоит только ускользнуть ей, как по щелчку пропадает и все остальное.

Вот Рома закурил сигаретку, включил свою любимую песню и уже начал было отбивать ритм ногою, как ни с того ни с сего разразился звонок, яростный, дребезжащий, который едва не разорвал ему сердце. Сигарета устремилась в окно. Туда же, гонимый ладонями, поспешил и дымный воздух. Музыка оборвалась на полуслове.

Рома, натягивая на ходу портки, уже бежал к двери – как вновь раздался пушечный залп звонка и несколько настойчивее.

– О! Привет, Мам.

– Привет, – сказала она, принимая поцелуй от сына и подавая ему сумки. – Чем это от тебя пахнет?

– Не знаю, мам. Тебе, верно, показалось, – ответил Рома и тут же поспешил на кухню.

– Ну что, чем занимался сегодня?

– Да ничем особо. Так... эм, так, дома сидел.

Маме показался странным тон, которым прозвучали последние слова сына; но она решила не придавать этому значения. А зря. На кухне Рома увидел лужу кофе, которая брала свое начало от подоконника, а заканчивалась у самых ножек стола. Проследив, что мама ушла в ванную, Рома схватил первую попавшуюся тряпку, вытер пол и на цыпочках проскочил в свою комнату.

3

Рома сел в кресло и взялся за книгу. Глаза бегали по строчкам, язык молотил слова, но голова ровным счетом ничего не понимала. Она была полна догадок и подозрений.

«Не осталась ли пачка сигарет на подоконнике? Нет. Вроде бы. А вдруг осталась... беда! Мама предупреждала, что

если еще раз поймает меня с поличным, то все расскажет папе. Ох, а как же навалает мне батя!.. Господи, хоть бы не оставил их там... хоть бы не оставил!»

Рома бросил книгу и уставился глазами в потолок. Он уже был близок к тому, чтобы проверить кухню на наличие пачки сигарет, как телефон его зазвенел.

– Алло?

– Ромео?!

– Да.

– Здарова, Зубрильник!

– А-а-а, Серега, привет, – еще не оправившись, промямлил Рома.

– Чего ты там? Говори громче!

– Да, Серега. Говори чего надо?

– Чего надо, чего надо! Тебя надо. Сегодня собираемся с мужиками. Думаем пиво попить.

– Хм, а что сегодня за день недели?

– Пятница.

– Пятница?.. – в глубокой задумчивости повторил Рома.

– Да, – что-то глотнув, сказал Серега, – пятница, – и звучно выдохнул дым прямо в трубку.

– Ну...

– Да давай, чего ты! Выберешься из своей берлоги.

– Ладно, хорошо, кто будет?

– Все наши, брат, вписульки, – задыхаясь от радости, заговорил Серега, оттого что первый звонок увенчался успе-

хом и принес в копилку главного домоседа, – все наши, слышишь?

Фон зашумел, закричал – один из собеседников зажал микрофон трубки, – и Сереге показалось, что по ту сторону провода прозвучал сладенький женский голосок.

– Ау! Тшш! Забавляешься с девчонками там! Ха-ха! Тшш! – пытаюсь спародировать шум в трубке, шипел он сквозь зубы, – В восемь вечера встречаемся! Слышишь?! В восемь! В во-о-осемь! – прокричал Серега и с широчайшей улыбкой брякнул трубкой по телефону... в это же самое время Рома, с пульсирующим сердцем в висках, еле ступая, направлялся на зов мамы.

4

Рома пробирался на кухню ощупью. Все опасения его сбылись. Мама смотрела на него исподлобья, упершись руками в бока; глаза ее злобно горели.

– Рома! Ну сколько раз я тебе говорила?! Сколько раз нужно тебе повторять? Вот скажи мне...

Она, действительно, была очень-очень зла на своего сына. Ей даже хотелось прибить его, когда он находился еще там, за дверью. Но теперь же, когда Рома оказался перед ней, когда она увидела его щечки, носик, глаза, то всю злость как рукой сняло. Один только вид его, жалкий, робкий, растопил в материнском сердце нежные чувства.

Рома стоял бледный, руки его тряслись, глаза избегали матери. Он готовился упасть на колени и поклясться в том, что больше никогда не возьмет в рот сигареты.

– Вот скажи, – продолжила мама, – вот скажи мне, ты разве не знаешь, что пол следует вытирать тряпками половыми, а никак не этими белыми полотенцами, предназначенными для рук? – и она, зажав двумя пальчиками, продемонстрировала коричневое полотенце.

Рома поднял глаза – на подоконнике пачки не оказалось. Он недоуменно поглядел на полотенце, вспомнил про полотенце, вспомнил про надвигающую попойку с мужиками, просиял, но тут же овладев собою, сдвинул брови и принял вид самый печальный.

5

Рома вернулся в комнату и прикрыл за собой дверь. Движения его были мягки, сдержаны, словно малейший рывок был в состоянии расплескать и без того плескающуюся радость в груди. Эта радость была какая-то особенно слащавая, потому что основывалась на горе, которое продолжительное время ужасало все его существо, которое щекотало нервы до кончиков пальцев да разрывало сердце ногтями страха, и которое вдруг оказалось безосновательным.

Рома сел в кресло, но усидеть не смог. В нем бурлила жаж-

да жизни.

«Надо порисовать. Да! Порисовать» – и он взял дрожащими пальцами кисточку. Закрыв глаза. Глубоко вздохнул. «Так, надо успокоиться. Подышать спокойно» – протянул он про себя. Это и вправду помогло: кисточка более не тряслась.

Справедливости ради стоит отметить способности Ромы: он владел достаточными навыками для того, чтобы рисовать вещи недурные. В комнате висели три его картины: какой-то цветок с прорезанными листьями; черное небо с волнистыми полосами северного сияния; и русские бескрайние поля ржи – к этой последней картине Рома относился весьма скептически, ибо издавек это было не иначе как перевернутый украинский флаг. Он, бывало, хватал ее за шкурку, намереваясь снять с почетного места, но каждый раз передумывал, потому что вблизи она была само очарование.

И теперь Рома взялся писать молнию. Сверкающую, трещавшую, разрывающую молнию. Он давно хотел взяться за нее, но никак не находил в себе подходящего настроения. Однако нынче – совсем другое дело! Рома и есть само олицетворение молнии. Он чувствует, что у него ничуть не меньше сил, чем у нее.

«Да! Не менее! Даже больше! Бо-о-ольше!» – при одной только мысли, какая энергия таится у него в груди, рука Ромы дернулась, и вместо точеного копья молнии получился крючок, более похожий на пороссячий хвостик.

Любое занятие, которое совершалось в комнате, имело для Ромы определенную ценность, как, например, имеют ценность танцы, разбой, спорт или знакомства для других людей. Словом, все то, что занимало Рому в условиях закрытой двери – никак нельзя отнести в категорию вещей скучных. По крайней мере, такова была его правда, в истинности которой, к сожалению, сомневалась его мама. У нее – как и у всех мам в мире – имелось свое видение ситуации, на корню разнящееся с другими воззрениями.

Она резала салат на кухне и вместе с этим думала об образе жизни своего сына.

– Нет, как же ему не скучно? Целыми днями находится в четырех стенах. Какими красками играет его жизнь? Парню, здоровому лбу, девятнадцать лет, через пару месяцев двадцать... двадцать лет, боже мой! Мы с его папой уже женились в этом возрасте. Эх, хорошие времена были, конечно. Мы гуляли с университетскими друзьями, смеялись, ходили в походы, участвовали в собраниях и КВН. Отец его, помню, гад такой, после учебы частенько бродил по пивнушкам! Чебуреки ел, говорит, а у самого глаза в сладенькие, ноги подкашиваются! Да – мы жили полноценной жизнью... но а Рома? Что же делает Ромочка? Ничего. В университет и сразу

же домой. Нигде не задержится, никогда и вином не дыхнет! Господи, пусть б даже и пахло – я бы, наконец, это поняла. Что же с ним такое? Может, может у него что-то случилось? Что-то серьезное? – и она даже сжала помидор в руке от волнения. Совершенно позабыв про салат, встревоженная мама поднялась с табуретки и направилась в комнату к своему сыну.

В это же время Рома смотрел весьма трогательный фильм про человеческую судьбу, моралью которого был круговорот добра и зла в природе. Фильм уже подходил к развязке и оттого начал насыщаться бурными сценами. В один из таких, когда на экране мельтешила женская грудь, дверь отворилась материнской рукою.

– Ром, скажи, что... что с тобой происходит?

– В плане? – взглядываясь в печальное лицо мамы, сказал он и совершенно растерялся; он не знал, чего вообще следует ожидать от нее.

– Ну, ты... почему ты вечно сидишь дома? Почему у тебя нет друзей? Ты молодой, а ведешь жизнь... – мама говорила от всего сердца и глаза ее покрылись влажной пленкой, а голос дрожал, – ведешь жизнь старика. Может, у тебя что-то произошло? Скажи, что с тобой?

– Эм... – в затруднении промычал Рома, не понимая причины волнения и, в сущности, самого предмета разговора. – У меня все нормально. Я сижу дома, потому что мне это нравится. Я рисую, читаю книги всякие, вот, фильм смотрю, –

и он указал пальцем на экран.

– Да, но нельзя же всегда находиться в четырех стенах, – сказала мама, несколько раз мелькнув глазами.

– Так что ж делать, если я такой человек? И вообще... не всегда я нахожусь в стенах этих, – он вдруг понял, куда поглядывает мама и, чувствуя, как смущение поднимается в нем волною, потянулся и выключил экран. – Сегодня вот с ребятами встречаюсь.

– Ну, значит, точно все хорошо? Я просто думала...

– У меня все хорошо.

– Ну хорошо, хорошо... – и она мышкой улизнула из комнаты.

Рома упер взгляд на дверь и под влиянием прошедшего разговора несколько минут просидел неподвижно. Он прикинул что-то в уме, дал волю фантазии и как только наткнулся на целый ряд изменений, который потребовался бы в нем для воплощения данных мечтаний, как и всегда раньше, пришел к некому умозаключению: «Нет, этому не бывать. Не бывать потому, что я из другого теста».

Конечно, горько видеть, как человек умный, который может помочь и дать дельный совет своему ближнему, теряется в момент столкновения с проблемами собственными, рассеивая прежнюю трезвость взгляда и становясь наивным словно дитя. Рома не отдавал себе отчета в том, что внутри у него все бьется, рвется наружу, что мечты являют собой потребность жизни – жизни бурлящей, где происходит безостанов-

вочное взаимодействие, где люди спорят, испытывают, познают, – и лишь уверял себя, что он особенный, не такой, как все, и раз внутренний мир богаче, то данные увлечения ему не по душе.

Рома включил фильм и с неподдельным интересом продолжил следить за волнениями женской груди, о подробностях которой имел весьма смутные представления, потому что еще ни разу не наблюдал ее вживую.

7

Пятница, вечер, конец трудовой недели. Кабак забит народом. Люди наконец вдохнули жизнь полной грудью и теперь радуются, смеются, разговаривают. Хоть и выпускают они порой звуки дикие – осуждать их за свое увлечение мы не станем, потому что хорошо знаем природу человека, а именно, что в душе его всегда живет частичка капризного ребенка. Теперь, когда за спиной осталось пять отпаханных дней, а на носу висит время безграничного отдыха и свободы – им хочется немного подурачиться.

Так отчего ж не вскинуть голову усачу, который расположился за дальним столиком, и не залиться ему искристым смехом? А этим мужикам в кожаных куртках? – отчего ж им не брякнуть гранеными кружками, когда они для этого и предназначены? Отчего ж девкам в поисках бесплатной вы-

пивки не поглазеть на четырех молодцов, которые появились в дверях и, забыв про головные уборы да выстроившись случайно по росту, решительно зашагали по кабаку?

Несложно догадаться, что этими молодцами были Рома Зубренко и три его друга – Серега, Стас и Максимка.

Эта компания была такова, что в ней не было серой пташки, так же как и кого-то выдающегося, который бы затмил своим сиянием других. Конечно, каждый считал себя лучшим – такова уж природа самцов, – но если судить объективно, то все они имели достоинства и были хороши по-своему. Так, к примеру, Серега славился легким взглядом на вещи, общительностью и прагматичностью, отчего он, увидев огромную очередь, которая отделяла от столь желанного предмета, тотчас же стал замышлять всевозможные хитрости.

Серега: – Вот тебе и на. Не будем же мы стоять двадцать минут?!

Рома: – А что, разве у тебя есть другие варианты? Придется, – спокойно ответил он, больше интересуясь блеском разноцветных бутылок за стойкой, нежели разговором об очереди.

Серега: – Есть один. Идите, кто-нибудь, займите столик, а я... О! Смотрите! Ха-ха! Сколько лет, сколько зим? Дружище! – вдруг вскрикнул он, поднял руку в знак приветствия и двинулся вглубь.

Поджимая голову, дабы не удариться об лампы, Серега

пробрался во главу очереди. Он похлопал какому-то пареньку по плечу и, шепнув что-то на ухо, показал бармену две ладони с растопыренными пальцами, что на языке жестов означало десять литров пива.

Сергея: – Ну что, видали, – сказал он своим друзьям, – видали, как дела делаются?

Стас: – Да, ты и вправду хорош. Я действительно подумал, что это твой знакомый.

Сергея: – Хрена с два! Вы видели его вообще?

Рома: – Нет. С ним что-то не так?

Сергея: – Этот парнишка в спортивных штанах и с кривым носом... быдлятина какая-то, проще говоря!

Стас: – И он тебе ни слова не сказал, когда ты пристроился?

Сергея: – Не успел. Я ему сам говорю: видишь тех трех типов? Вякнешь хоть что-то, они тебе зубы выбьют! А мне пива...

Стас: – Ха-ха! И вправду, я уже как неделю не брился. Совсем на разбойника похож, – он вскинул голову и показал щетинистую шею.

Сергея: – А ты, Ромка? Сколько не брился?

Рома: – Я, ну... недели две, наверное.

Сергея и Стас дали лыбу при виде четырех черных антеннок на Ромином подбородке, и еще сильнее засмеялись над тем, с какой чувственностью он провел рукой возле рта, будто там имеется пышная борода. Однако в это же мгновение

по кабаку пробежал восторженный девичий визг, смешанный с каким-то уж подозрительно знакомым гоготом. Трое ребят крутанули головами и увидели, как к столику плетется Максимка с двумя официантками; руки его выписывали в воздухе круги, а губы, очевидно, шептали что-то очень смешное сперва одной девушке на ухо, потом другой.

Максим же, в свою очередь, обладал удивительной способностью обращения с противоположным полом, отчего мог с легкостью познакомиться с любой красавицей. Он располагал к себе всех девушек без исключения, целовал их прямо на первом свидании и был таким забавным и искренним собеседником, что падкое до чувств сердце раскрывалось перед ним... раз и навсегда нарекая его *своим лучшим другом*.

Официантки смахнули крошки со стола, убрали грязные кружки и поставили новые, блестящие; добавили салфеток в салфетницу и как завершение, украсили стол желтой вазой пива. Сделав свою работу, девушки задержались и, закинув руки за спину, взглянули на ребят.

Официантка: – Хорошего вам вечера, – сказала одна из них, с теплой улыбкой останавливаясь на Роме, отчего тот повернул глаза в сторону и покраснел.

Максимка: – Пожалуйста, только не забудь... – он взял ее руку и потянул к губам.

Официантка: – Хорошо-хорошо, я помню, сейчас принесу.

Девушки ушли, а ребята разом посмотрели на Максимку. Он ухмыльнулся и пожал плечами.

Максимка: – Ну и что ж? Дело обычное.

Стас: – Вот это я понимаю – самец.

Максимка: – Первую зовут Маша, вторую... – лоб его зачесался, глаза сузились, – вторую вроде тоже Маша.

Сергея: – А она на тебя засмотрелась, – вытянув голову в центр стола, вполголоса сказал он, – Ром, видал?

Рома: – Ну видал, и что?

Сергея: – Как что?! Действуй!

Рома: – Вообще-то у меня есть девушка.

Сергея: – Ах... Ну а ты, Стас? Отчего же не можешь?

Стас набрал полную грудь воздуха. Он являлся охотником до всяческих историй, тема которых в большинстве своих случаев не совпадала с интересами ребят. Однако это обстоятельство никак не отражалось на деле: они внимали Стасу, потому что он умел раздувать из мухи слона, то есть, превращать житейскую в историю красочную и захватывающую. В его натуре не было ярко выраженных ораторских способностей, однако речь его была гладка и приятна; его идея не носила назидательный характер – она лишь возносила проблему на всеобщее обозрение и освещала историю лучами здравого смысла.

Стас: – Да как же... – сказал он на выдохе, – для знакомства нужны другие обстоятельства. Вот если бы мы с ней столкнулись в дверях или, там... к примеру, кружку пива б

она на меня опрокинула, тогда да, уже есть повод поговорить. Одним словом, нужны малейшие условия для диалога, понимаешь? А попросту сказать «привет, давай познакомимся» – это, по моему мнению, глупо. Очень глупо. Как вот, представляете, совсем недавно у меня была ситуац...

Сергея: – Сосунки вы, мужики! – задорно возгласил он, придя в самое веселое расположение духа от такого ответа; он не терял попусту времени и уже разливал пиво по кружкам.

Рома: – Слушай, а ты-то сам?

Сергея: – Я? Да а что же я-то? Она на меня не глядела так, как на тебя. Будь я на твоём месте, у меня была бы сегодня жаркая ночь!

Рома: – Свинья ты, Сергей, вот и все тут.

Сергея: – А я тебе скажу, что естественно, то не безобраз... – он наполнил третью кружку, но вдруг остановился, нахмурил брови и закрутил головой, – А где еще одна?

В этот самый момент к их столику подошла официантка и, выписав небольшой крюк с подносом, остановилась у Ромы под боком. Держа в руке кружку красного пенного, она наклонилась, дабы поставить его на стол. Со сосредоточенностью, которая является к актеру во время его образа, девушка старалась показать всю грацию одним движением, наклоняясь с каждой секундой все ниже и ниже... и Рома, чтобы не упереться носом в ее грудь, поспешил отодвинуть стул. Сергей дал лыбу. Максимка приоткрыл рот. Ему было боль-

но видеть, как рука официантки дрогнула и из кружки вылетела розовая пена.

Официантка: – Ой, извини. Я не хотела, – она выхватила полотенце из кармашка и стала вытирать ему колено, – Прости.

Рома: – Ничего, ничего страшного.

Все ребята улыбались, кроме Ромы. Он сидел красный и еще долго ничего не мог сказать.

Рома: – Что это такое? – наконец сделал он над собой усилие.

Серег: – Это стопроцентный вариант! Я бы сказал беспрюгрышный. Чего тебе стоит...

Рома: – Я, вообще-то, про эту гадость, – он указал на кружку с красным пенным напитком.

Максимка: – Это мой клюквенный сидр. Гадость – ваше пиво. Терпеть его не могу.

Рома, Серег и Стас переглянулись между собой и скорчили кислые гримасы.

Рома: – Да... – он вздернул и покрутил мизинцем, – а Максимка-то у нас самый настоящий Максимилиан!

Серег подхватил Рому, подпрыгнул на месте и выкрикнул: «Ну ты даешь, Макс!». Стас же сидел спокойно, даже несколько задумчиво, грыз ноготь, хмурил брови.

Стас: – Слушай, а дай попробовать, может быть, и себе закажу.

Все чокнулись кружками, и белая пена вздыбилась еще

сильнее. Кружки были мощные, литровые, размером с шар, и когда ребята потянули из них пиво, то головы их на некоторое время исчезли.

Сергея: – Так, ладно. Я ужасно есть хочу, давайте закажем чего-нибудь? Вот, например, селедочку можно, – он ткнул пальцем в меню.

Стас: – Селедочку только под водоч...

Максимка: – Ну, мужики! – заверещал он, – какая еще, к черту, селедка?! Я не буду эту селедку вонючую.

Рома: – Согласен, нам сегодня с Максимкой предстоит официанток целовать. Ха-ха! – уже чуть охмелев, сказал он. – Давайте гренок возьмем.

Сергея: – Да-да, можно и гренок. С чесноком!

Пивная ваза в один момент опустела и между ребятами начались споры о том, кто пойдет за новой. Сергей уже ходил сегодня, Стас ходил в прошлый раз, Максимка, который после своего сидра присоединился ко всем и выпил две кружки светлого нефильтрованного, сказал, что пива он не любит. Очередь дошла до Ромы, и он тоже мог выдумать какую-нибудь отговорку, однако делать этого не стал. Разве способен ли он отказать своим друзьям?

Рома взял вазу и двинулся в путь. Щеки его горели. В голове было легко и весело, а по телу гуляла приятная расслабленность, отчего он, стоя в очереди, не раз то облакачивался на стойку, то подпирал ее спиной, то нависал над ней. Оче-

редь была небольшая, и он даже не успел заскучать, прежде чем оказался следующим на разливе. И вот Рома собирался подставлять вазу под кран бочонка, как его ни с того ни с сего боднули в плечо – это был парень в спортивных штанах, который хоть и выглядел крупнее Ромы, однако имел пузо, нахальные глаза и кривой нос. Этими самыми нахальными глазами он окинул с ног до головы и уставился на Рому, очевидно, выжидая от него каких-нибудь слов.

В силу того, что Рома был человеком разумным и мягким, он сказал следующее:

– Тебя пропустить? Да без проблем, наливай.

И парень этот, не проронив ни слова, отворотился и скрипнул краником. Сердце Ромы пустилось в вальс. Глаза, которые минуту назад прыгали по всем уголкам кабака, теперь преисполнились истомой и более не отцеплялись от льющегося из крана пива да взъерошенной макушки парня. Рома понимал, что он поступил правильно, но сознание своей правоты, к сожалению, не умаляло вопроса задетого самолюбия.

«Нет, ну а что, я должен был дать ему в морду что ли? За подобный пустяк? Я все-таки не дурак какой-то... Но, все же! Отчего я должен терпеть подобное? Можно прямо сейчас взять и настучать ему по голове, – Рома вновь взглянул на макушку парня, – Брось... Тебе следует быть разумнее. Что за глупости?! Опуститься до того, чтобы драться в кабаке за пиво? Нет. Я однозначно поступил правильно – так, как сде-

лал бы каждый нормальный человек», – заключил Рома, когда напиток солнечного цвета побежал по стенкам его вазы.

Однако то, что было «однозначным» для головы, никак не являлось таковым для его души, и те оправдания, которые пришли к нему, Рома принял со скрипом. Глубоко внутри он остался несогласным. Это была ситуация, при которой человек корил себя за то, что прислушался к шепоту ангела, а не дал волю чертику.

8

Хоть они и выпили десять литров пива, восемь коктейлей, целый поднос рюмок с водкой, приправленной соусом табаско, и еще несколько воспламеняющихся стопочек, о которые можно с легкостью подпалить брови, но домой Рома Зубренко пришел почти трезвым. Пусть ноги и подкашивались, а картинка в глазах куда-то убежала, двоилась – мысли его были крепки, точно при обыденных обстоятельствах. И пока он, придерживаясь за комод, топтался в коридоре, на ум ему даже пришла цитата из книги.

«Весь этот свет только состоит из мыслей, которые бродят в моей охмелевшей от вина голове...» – Рома с чувством воспроизвел афоризм, вторая часть которого, махнув хвостиком, вдруг улизнула от него.

Левый ботинок не хотел слазить с ноги, плотно засев в

районе пятки; но Рома прикладывал столько усилий, и делал это с таким детским, растерянным выражением на лице, что тот, наконец, сдался. Шурша ладонями об стену, Рома прошел в свою комнату и тихонечко зажег там лампу; на столе обнаружилось запечатанное письмо от его девушки Даши. Рома насупил брови от плохого предчувствия: письмо казалось каким-то странным и дурным знаком. Непослушными руками он вскрыл конверт, оторвав при этом треть листа. Он склонился над лампой, соединил две части и принялся читать записку. Листок с синими каракулями вдруг зашевелился, заюлил да побежал куда-то вдаль. Рома встряхнул головой, насилу мигнул глазами.

«Такой тебя сюрприз ждет утром... оно точно не будет добрым, за это прости. Ром, я долго думала и пришла к тому, что нам нужно расстаться. Надеюсь, у тебя все будет хорошо. Прости. Ты отличный человек, ты – самый добрый, искренний и нежный... и даже настолько, что я боюсь тебя испортить, и проблема, которая разрывает наши отношения, таится не в тебе... она во мне.

Я знаю, что так будет лучше нам двоим. Не пиши мне больше и не ищи встречи. Будь счастлив и... прощай...»

Письмо вылетело из рук и погрузило Рому в мертвецкое оцепенение. Слова Даши – в особенности то, что они были написаны, а не произнесены лично – разрубили его сердце на два куска, будь то резкий удар топора. Как подобает людям, которые лицом к лицу столкнулись с трагедией, круша-

щей их мир без малейших предпосылок на это, Роме еще не представлялась возможность в полной мере осознать своего горя, но он уже догадывался о его масштабах.

Физическая немощь его перешла в немочь внутреннюю, и теперь он не мог ни думать, ни связывать слова; ноги уж более не подкашивались, но в одночасье затряслись руки. Он сел под холодный душ, поджал колени и погрузился в себя. На протяжении всех девятнадцати лет слезы помогали ему облегчать страдания, по ниточке вытаскивая боль в самых тяжелых ситуациях. И так устроена чуткая душа человека, что стоит ей лишь ощутить малейшую горечь обиды, как слезы непроизвольно являются на глаза ее обладателю.

Но сейчас все было совсем иначе: Рома желал зарыдать, зарыдать что есть силы, но сделать этого у него не получалось. Как сраженный молнией, сидел он, смотрел в одну точку и с каждой секундой становился все угрюмей.

9

Раннее утро понедельника. Солнце поднялось над горизонтом и, интересуясь делами людей, пошло заглядывать в окна. Лучик просочился сквозь занавеску, пополз по полу, залез на часы, отчего те, предатели, подпрыгнули и заверещали. Вместе с ними в кровати подпрыгнул и Рома Зубренко. Он приподнялся, потер кулаками глаза, сладко зевнул и

хотел было плюхнуться назад, как в то же самый миг вспомнил, что ему нужно в университет на первую пару. Чувство долга подняло его и заставило взяться за приготовления к очередному трудовому дню.

Уже через двадцать минут он стоял на остановке – опрятный, свежий и причесанный. Он потрясся в автобусе, потолкался в электричке и, наконец, прибыл в университет.

Группа, в которой учился Рома Зубренко, выпала ему по воле жребия. Она была дружна и в особенности хороша тем, что никто в ней не брезговал общением. В силу этого обстоятельства костяк группы сложился из людей самых разношерстных: за одним столом смеялись и «очкарики» и «дворовые парни»; «модники» рассказывали анекдоты «ученикам по обмену», а «спортсмены» дружили с «хиляками». Все те люди, которые в скором времени обростут посторонними заботами и решительно перестанут знать друг друга, нынче были сплочены общим страхом пред неизвестностью грядущей жизни.

В то время, когда Рома открыл дверь спортивного зала, вся группа, размахивая ногами, уже заканчивала разминку.

– Привет, Ром, – с какой-то напыщенной серьезностью сказал Леша, будто бы обращаясь к своему начальнику; но в силу того, что Рома никак не походил на начальника, в особенности по той его задорной манере трясти руку при рукопожатии, Леша перестал важничать и рассмеялся.

– Чего опаздываешь-то, еб***, – с улыбкой в тридцать два

зуба подоспел и Никита, дворовый парень, который гордился тем, что его воспитала улица.

– С кем не бывает. Не всегда же мне приходиться раньше вас! Ну, рассказывайте, чем на выходных занимались?

– Ой, да я и ничем особо. Учебник по философии читал. Играл, – ответит Леша.

– А я еб*** напился в субботу. Всем районом гудели, дру-га в армию провожали. Я собственноручно его брил, – ска-зал Никита.

– Смотрю и тебя хотели проводить, ха-ха!

– Да не, это на спор, – и он погладил свою коротко остри-женную голову. – Как видишь... проспорил!

– Ну, а ты-то Рома? – с участием спросил Леша.

– Ооо, да я делал то же, что и вы, только в два раза насы-щеннее: читал, – Рома перевел взгляд на Никиту, – по барам ходил.

– Красавчик еб***.

Но тут на них гаркнул физрук. Леша отскочил в сторону и стал добросовестно повторять приседания, а Никита выпя-тил грудь и, не скрывая своего недовольства, выполнил раз-миночное движение лишь наполовину.

После разминки они баловались с мячиком, тягали гири, висели на турнике, – и Рома выполнял все это без остановки, отчего вскоре запыхался и сел на лавку. Он минут пять де-лал вид, что завязывает ботинки, и делал бы это еще столь-

ко же, однако ему ни с того ни с сего прилетело мячиком по голове. Он поднял глаза и увидел две хорошенькие ножки в шортиках; только чуть позже разглядел перед собой одну-группницу. Она была недурна собою, и в особенности, как выражался Никита, недурен был ее «видок сзади».

– Оксанка! Чего делаешь?! – сказал Рома, ощупывая свою голову.

– Ха-ха! А чего ты филонишь сидишь? – и она опустилась на лавку.

– Как твои дела? Ты какой-то грустный что ли.

– Да нет, нормальный. А с чего это ты взяла?

– По глазам твоим вижу...

– Ха-ха, брось!

Они рассмеялись.

– А какая следующая пара, Ром?

– Экономика вроде.

– Хм... А ты же хорошо разбираешься в экономике? – подвигаясь и заглядывая ему в глаза, сказала она.

– Да чего там разбираться: определения да формулы всякие.

– Как тебе повезло! Я вот ее совсем понимаю. Может поможешь мне... – она приблизилась еще ближе и, к его великому удивлению, закинула ножку ему на колено, – поможешь мне разобраться в этих формулах?

– Ну... Я не зна... Смотря когда...

– Можно хоть прямо сейчас, – она пошевелила ножкой, –

можно вместо следующей пары пойти ко мне в общежитие, там как раз никого не будет.

Оксане надоело играть ножкой, и она перешла к методам более действенным: налегая, она придвинула таз вплотную и, строя из пальчиков человечка, принялась шагать по Роминой коленке в пугающем для него направлении. Рука ее дошла до цели, дотронулась, схватила – Рома вздрогнул, вскипел, отдернул ее руку, махнул ногой, скидывая с себя все опоясывающие женские сети.

– Открой учебник и почитай. Там одна теория!

Он вскочил, словно разъяренный бык, и ушел переодеваться. Истерзанное сердце его разрывалось.

10

Весь оставшийся день Рому Зубренко тянуло домой какой-то неведомой силой, но он не позволил дать себе слабину и отсидел все пары. В четыре с хвостиком часа он вышел из университета со своими товарищами, в тридцать минут они полакомились пирожками у грузинской палатки, а в сорок пять, находясь на развилке дорог и пожимая друг другу руки, распрощались.

На улице уже стояла крепкая весна. Земля покрылась первой щетиной, и плешивых зеленых участков под ногами было больше, чем замызганных кучек снега. Ветер нынче стал

теплым и приятным, более не вызывающий у человека желание поджать шею и укутаться в одежду. Было тепло, радость торжествовала... но Роме было жарко и тяжело. На его плечах висела зимняя куртка, а в груди неустанно ныло. Вся масса невзгод свалилась на него разом. Он чувствовал себя обескураженным ангелом. Душа его, привыкшая к полетам, и которой нынче подрезали крылья, томилась взаперти; она билась, брыкалась, но не оставляла своих попыток вдохнуть полной грудью.

В Роме загорелось желание найти хоть что-нибудь новое в жизни, хоть незначительное увлечение... и, как вариант, он решил пройтись по магазинам – ему не помешало бы купить весеннюю куртку.

«Разумеется, даже если я и найду красивую куртку – это всего лишь тряпка... пустяк, который ровным счетом ничего не значит пред моим горем. Хотя, с другой стороны, прогулка поможет мне отвлечься от дурных мыслей. Не зря ведь говорится: душу нужно лечить ощущениями...» – и дар речи его пропал.

За стеклянной витриной он увидел черную меховую дубленку; она была необычного фасона, с желтыми рисунками во всю длину: с правого бока выглядывал череп, а на плече по другую сторону красовался знак анархии. Рома зашел в магазин и попросил примерить ее. Облачившись, он взглянул в зеркало и ахнул – она сидела на нем идеально. Рукава, нижняя окантовка и ворот были покрыты черным овчин-

ным мехом. Золотые застёжки звенели друг об друга и поблескивали на свету. Рисунки заиграли новой жизнью, стоило ему лишь пошевелить руками. Дубленка была эксклюзивна, в единственном экземпляре.

Рома долго думал: стоит ли тратить свои последние сбережения на эту вещь? Да, он решился купить ее, чему был несказанно счастлив. Это была самая дорогая покупка, первая щегольская и в то же время элегантная вещь в его сером и неприметном до сего времени гардеробе.

Часть вторая

11

Если бы кто захотел сыграть с нами злую шутку, в раз перечеркивающую принципы тонкой натуры нашего главного героя, то он непременно б сказал, что шопинг способен снять все горести Ромы Зубренко. И, даже я, автор этого рассказа, готовый к самым неожиданным поворотам сюжетной линии, выпучил бы от негодования глаза и, скинув оковы благоразумия, как плюнул б эдакому шутнику в лицо за подобные глумления!

Но кто же знал, что скрыто во времени и какое значение несет в себе сатирическая линия жизни, кто же знал – наступит момент, и шуткой раскроются пред нами замыслы судьбы? Кто же знал, что Рома, выйдя на улицу после покупок, почувствует себя совершенно другим, будто бы заново родившимся человеком? Мысли, которые зимней стужей сидели в нем, которые сковывали все его существо, теперь развеялись и явились теплым ветерком. Лучи солнца играли на Ромином лице и он, довольно прищуривая глаза, двигался по главной улице своего города. Кончики его ботинок свистели в воздухе, руки болтались без остановки, голова крутилась по сторонам. За ухом торчала сигарета. Он был в своей новенькой дубленке.

Рома видел, что каждый прохожий обращает на него внимание, и он отвечал тем же. Мужчин он приветствовал своей походкой «вразвалку» и прямым, вызывающим на дуэль взглядом. На женщин он смотрел снизу вверх, а в конце плутовски улыбался. Все это делал потому, что обрел небывалую уверенность в своих способностях, не сильно заботясь, откуда вдруг взялась эта смелость, решительность и даже дерзость.

Л.Н. Толстой писал, что никакая сила не имеет такого разительного влияния на направление человека, как наружность его, и не столько сама наружность, сколько убеждение в ее привлекательности. И это суждение так звонко откликнулось мне, ведь в жизни я много раз имел дело с людьми некрасивыми, которые делились на два вида; первые знали о своей уродливости, стеснялись ее и от этого становились еще некрасивее; вторые же совсем не находили в себе изъяна, жили припеваючи и даже были убеждены в своей обаятельности так искренне и сильно, что убеждение это передавалась и мне, отчего я каким-то удивительным образом влюблялся в них. Я подозреваю, что уверенность в собственной силе есть харизма человека.

Рома выкурил две сигареты подряд, и отправив их на козырек остановки – хоть рядом находилась урна, – сел в автобус. Все вдруг зарычало, затряслось, мелочь подпрыгнула в руке; он поспешил приземлиться на любое свободное место. В окне замельтешили дома, голые деревья, здание админи-

страции, кинотеатр, памятники и фонтаны – все это он уже видел тысячу раз. Тогда он посмотрел по другую сторону и нашел там не менее увлекательное зрелище: бабу, женщину с ребенком и еще одну бабу. Девушку с каре он заметил не сразу. О! Она в тот же миг понравилась Роме, и он не стал скрывать этого. Юбка, ножки в темных колготках, курносый носик. Рома откинулся на спинку кресла и, склонив голову буквой «г», взглянул ей в лицо.

«А она ничего такая, может познакомиться? Ну да, чего ж мне стоит? Правда, отвлекать ее не хочется... так сосредоточенно читает. Наверное, что-то учит. Главное, чтоб на следующей остановке не вышла... тогда и подойду. О! Вроде бы оторвалась от своей тетрадки... Интересно, о чем же она сейчас думает?» – мысленно разговаривал с собою Рома.

Девушка же разбирала каракули в тетради, которую дала ей подруга для подготовки к экзамену, и была действительно погружена в написанное, пока в автобусе не появился парень в модной черной куртке. Она с любопытством посмотрела на него, на желтые рисунки-каракули на рукаве, но как заметила, что он направляется в ее сторону, опустила глаза и сделала вид, будто читает. Но что-то влекло, и она снова покосилась на него сквозь просвет в волосах. О! Весь его образ – эта расхлябанность, с какою он сидел, эти отбивающие ритм пальцы, этот шнурок на ботинке, который ему удалось завязать лишь с пятого раза; все движения его были такими чудными, что по коже у нее пробежали мурашки. Хоть она

и не боялась встретиться взглядами – и даже хотела этого, – однако тут же уткнулась в тетрадь, как только он закрутил головой.

«А он хорошенький. Решится ли он познакомиться? Но если он надумает подойти ко мне с этой дурацкой фразой «привет давай познакомимся», как подходили сотню раз, то он упадет в моих глазах. А он... да, он смотрит на меня. И уже достаточно долго. Интересно, о чем он думает?»

И в это же мгновение Рома поднялся с сидения.

– Привет, – он подождал, пока она поднимет глаза. – Ты самое красивое создание в этом автобусе.

От улыбки у нее образовались две ямочки на щеках. Она хлопнула ресницами и убрала волосы за ухо, хотя они тут же вернулись в прежнее положение.

– Спасибо большое.

– Ты не против познакомиться? Меня зовут Рома. А тебя? – выпалил он без остановки, не давая ей времени опомниться.

– Полина. У тебя красивое имя – Роман...

– Поверь, у тебя не менее, – и он сразу же протянул руку за спинку ее кресла.

Таким образом они разговаривали об одном, а думали о другом.

Полина была в восторге от простоты и естественности своего нового знакомого. С ним было так приятно беседовать, что порою она забывалась и позволяла себе лишнего, хоть и

разговор был, в сущности, о вещах самых обыкновенных. С другой же стороны, она негодовала на себя за то, что никак не могла понять, отчего же его стереотипная фраза подняла в ней такую бурю эмоций, ровно как и этот взгляд его, который без слов говорил о неблагопристойных намерениях, который всегда в душе вызывал чувство отвращения – теперь же ей был в крайней степени приятен.

Рома, рассматривая то ее личико, то ножки в колготках, подмечал, что в этом мире нет ничего легче знакомств с противоположным полом. Как гром среди ясного неба открылось ему, что все-таки намного лучше относиться ко всему легкомысленно, нежели то, как делал он это раньше – копался и заикливался на проблемах. Но все же основные лучики разума направлены были в сторону одной простой мысли: «как бы мне сойтись с ней поближе?».

12

В ту ночь Рома Зубренко дома так и не появился. Первый раз, когда он посмотрел на часы и вспомнил о своих обязанностях, было шесть утра. Рабочий день, как огонек в печке, лениво раскочегаривался, готовясь через мгновение залить все окружающее жаром и копотью.

Рома, которому годами довелось находиться в четырех стенах, теперь уж никак не хотел пропускать праздника жизни, и он спросил себя: «Почему бы мне не сходить в универ-

ситет?» Подобного рода идея могла прийти человеку, который не только пил и гулял всю ночь, но еще и кемарнул чашок под утро, отчего полностью потерял голову, стал пьянее и сумасброднее.

И, действительно, почему бы и нет – осоловевший Рома Зубренко в едином вальсе движений покачивался с людьми в электричке. На кончике его рубашки красовались кровавые брызги, а на ноге пятно, размером с рублевую монету. меховой воротник, стянутый на шее золотой застежкой, был поднят и доходил до ушей. Рома зевал да улыбался, изучая спящих. Люди дремали по-разному: кто-то клевал носом каждые десять секунд, а кто-то бился щекой о стекло. Вот девушка открыла рот и пустила слюну. Мужик склонил голову на плечо другого мужика. Рома сиял, пока глазки его не начали слипаться тоже; он тряхнул головой и чтобы взбодриться переменял позу.

Он прикладывал максимум усилий для борьбы с потребностью, ибо боялся проспать свою остановку, но в конечном счете так и не смог обуздать эту силу. Сам того не понимая как, он сомкнул глаза. Минутное помрачение. Сквозь темноту ресниц предстал перед ним вагон, и вновь наступила тьма. Мысли его стали путаться, воспоминаниями поползли события прошедшей ночи, громкая музыка, улыбки, поцелуи – и вдруг чей-то женский голос врезался ему в сознание, ножом прорывая туман дремоты, и произнес до боли знакомое слово.

Рома подпрыгнул, схватил портфель и выбежал прочь. Это была его станция.

13

Первой парой стояла экономика. Практическое занятие проходило в маленькой аудитории с тремя рядами парт, где сидело семнадцать из восемнадцати студентов.

Преподаватель, Владимир Владимирович, был успешным и деловым человеком в возрасте тридцати пяти лет. Три дня в неделю он разъезжал по университетам, и всюду таская за собою багаж знаний, рассказывал истории из практики да поучительную теорию; в остальные дни он посвящал себя конференциям, решал самые сложные экономические вопросы региона, мотался по командировкам в разные страны, а также не забывал устраивать собственный бизнес.

И вот он, радостный и серьезный – оттого что занимается благом, даже несколько альтруистическим делом – пробегаются по списку присутствующих.

– Братишкин?

– Здесь!

– Беш... Бешу...

– Бешхумамедовъ, – как труба, раздался сердитый голос с последних парт. – Я здэс.

– Бешхумамедов, значит, – сказал Владимир Владимирович, все так же покойно глядя в сидевшие на носу очки

и заносая отметку в тетрадь. – Прошу прощения. Так неаккуратно написано, что и прочитать сложно. Ладно, продолжим. Зубренко?

В ответ тишина.

– Рома Зубренко!

Студенты многозначительно переглянулись между собой: на первом курсе еще не принято прогуливать без причины. Владимир Владимирович поднял глаза, пробежался по лицам, и, не обнаружив своего любимца, хотел уже ставить «н» в графу пятерок, как посторонний звук отвлек его – дверь распахнулась, и в аудиторию ввалился непричесанный, с тремя расстегнутыми верхними пуговицами Рома Зубренко.

– Можно... – машинально сказал он и тут же запнулся, никак не припоминая имени преподавателя.

– Опаздываешь. Проходи.

Рома сделал было шаг в сторону последних парт, но мест там не оказалось. Чертовщина! На втором ряду тоже. Лишь на первом был выбор: расположиться перед самым носом Владимира Владимировича или же несколько сбоку.

Оба места были просматриваемыми, и Владимир Владимирович прекрасно видел, как Рома вскинул портфель на парту, как долго он туда глядел, копошился, и как в конце, не вытащив ничего, соединил руки в замочек и сел мертвецом.

День этот, как Геркулесу гора, обещал быть тяжелым для Ромы Зубренко. Нет ничего мучительнее состояния, когда организм не слушается своего хозяина и вместо того, чтобы выполнять его приказы, делает вещи совершенно противоположные.

Рома понимал, что находится на первом ряду, что все его зевки есть неуважение к преподавателю, что ведет себя по-свински – однако повлиять на ситуацию, как и на самого себя, не мог. Веки его ослабли и улитками ползли друг к дружке. Он моргнул, дабы прогнать дремоту, как тотчас же заметил резкую перемену в обстановке: студенты начали потягиваться, подниматься, загремели стульями и заговорили полным голосом; одни хохотали, другие жали руки, звонко шлепая ладонями. А Рома все сидел на месте и озирался, как загнанный в клетку медведь. Опомниться ему помогла дружеская рука на плече, которая резюмировала: первая пара пролетела в два счета.

На десятиминутном перерыве Рома и Никита – тот самый дворовый парень – галопом неслись по лестнице. Глаза их блестели детской радостью. Они выскочили на улицу, забежали в ларек и пропустили по бутылочке пива за круглыми пластмассовыми столиками. Хмельной напиток забулькал, пузырьки полетели кверху, и когда показалось нагое дно кружки, Рома с Никитой отправились обратно в университет; однако делали они это уже не так быстро, как раньше по двум причинам. Во-первых, у них были полные, надутые

газами животы; а во-вторых – что является более весомым аргументом – под мышками находились бутылочки. Рома с Никитой приберегли яблочный сидр на пару.

Лекция по высшей математике шла полным ходом. Разбиралась тема «Интегральное исчисление», и профессор выносил на рассмотрение у доски несколько примеров интегрирования методом замены переменной, когда в дверях появилось две сияющие морды. Приятели без особых церемоний кивнули преподавателю и, отбивая ботинками каждую ступеньку, с грохотом покарабкались на «камчатку». Это была здоровая лекционная аудитория, в которой находились все студенты с потока, то есть сто с лишним человек. Не менее половины из них проводили Рому с Никитой недовольным взглядом; остальные зашушукались между собой и осуждающе покачали головами.

Если бы вся эта ситуация произошла на третьем или четвертом курсе, то на наших двух ребят смотрели бы с улыбкой; сейчас же их считали врагами народа просто потому, что они своими басистыми голосами, в особенности когда пытались говорить вполголоса, перебивали профессора.

Однако Роме и Никите не было никакого дела до всеобщего мнения студентов, как нет дела быкам до мошкеры: те вроде бы крутятся, жужжат перед рогами, и больше ничего из себя не представляют. Все сидевшие ниже студенты были для них очкариками и ботаниками, то есть самого презренного рода людьми, которые высказывают своё недовольство

друг другу и не в состоянии выразить его тому, кому бы это следовало. И правильно, что не решались. Рома так и ласкал в душе желание выбить кому-нибудь очки, а также все прикидывал: в какую же сторону следует увернуться, дабы миновать чужой кулак и прибавить силы своему удару за счет инерции? Очевидно, если противник правша, а так происходит в большинстве случаев, то надо брать влево и бить с ле...

– Ну что, начинаем? – вопрос, который вывел его из задумчивости.

Рома предпочел ответить без слов. Он прижал бутылку к парте, зацепился крышкой об уголок, дернул вниз. Крышка чпокнула и отлетела куда-то в сторону. Подобно гейзеру вздыбилась пена над горлышком, и Рома как можно быстрее отстранил бутылку от своих белых брюк.

– Разумеется начинаем!

Прятели чокнулись... чокнулись как на свое, так и на всеобщее удивление чересчур громко. Звон дрогнул в стенах и покатился вниз. Первый ряд обернулся, украдкой взглянул на профессора и вновь повернул голову. Даниил Альбертович, профессор докторских наук, хоть и был человеком древних укладов да туговат на ухо, пропустить такого нахального звука не мог. Он побагровел в секунду, скинул очки и, не считаясь с возрастом, подлетел к первой парте. Во всю глотку, каким-то бесовским, обезумевшим голосом завопил он.

– Кто чихнул? Я спрашиваю: кто чихнул?! – пробегаясь по

трибунам глазами, он вглядывался каждому студенту в лицо. Весь вид его показывал, насколько ненавистны ему нарушения порядка.

– Вы пытаетесь сорвать пару, паразиты?! Сколько раз говорить, что при мне чихать запрещено!.. Запрещено – и все тут, – заговорил он смягченным и писклявым от старости голосом, уже несколько опомнившись. – Понятно вам, вредители? Ишь, чихают, бацилл на меня раскидывают... Нет, на лекции нельзя чихать, это недопустимо. Вы должны блюсти дисциплину, пресекать попрание на корню... где вообще видано, чтобы студенты чихали на преподавателя. Вот в наше время такого не было: чихнул кто нахально, то сразу в шею гонят, все, – он пискнул на последнем слове от усердной жестикуляции, – сразу! В шею! В шею! Без каких-либо разговоров!

Даниил Альбертович развернулся, показав со всех ракурсов свой измалеванный мелом костюм, и зарычал, закричал, издал ужасный звук, какой обычно производят старики, когда пытаются привести в порядок голос. Он попятился к доске... как в этот же самый момент по аудитории разлился чих – раскатистый, дребезжащий в воздухе. Никита поправил каштановый чуб, который свалился ему на лоб после внезапного чиха, и покосился на своего соседа. Тот сидел с влажными глазами, разинув рот, смотрел вверх на потолок. В одной руке у него была бутылка, а другая в судороге сжимала носовую перегородку. У Ромы щекотало в носу

с такой силой, что никакие народные способы не помогали сдерживать порыва. Лицо его скорчилось. Он зажмурился. Рука подпрыгнула. Бутылка плюнула пеной. Стекла в аудитории дрогнули.

– А-А-АПЧХИИ! – как гром поглощает все земные звуки, так и чих затмил всю лекционную суету на пару секунд. Ничего не видно, ничего не слышно, в ушах звенит, все потрясены... кроме одного человека. Даниилу Альбертовичу все едино – он как ни в чем не бывало продолжает решать сложный алгоритм у доски.

15

Пара близилась к концу. Сидр уже давно было выпит. Никита расстелился на лавке, будто кощей бессмертный в гробу, и, подобрав под себя черную дубленку, насвистывал какую-то мелодию носом. Рома сидел подле и улыбался. Он не мог быть равнодушным наблюдателем этой картины: каждый звук, вылетающий из носоглотки друга, смешил его. Вероятно, и скрюченный палец обрадовал бы Рому, ведь настроение он имел отличное.

Однако же через пять минут оно переменялось. Молчание и думы на хмельную голову дали о себе знать. Рома взял ручку, принялся рисовать какие-то непонятные картины – видимо, абстракционизм, – хотя больше всего был поглощен мыслью, которая никогда не приходила ему раньше и с пер-

вого взгляда казалась весьма странной. Она ставила перед Ромой вопрос о том, в какой же самый момент он бывает естественнее, чище и первозданнее как нутро – то есть является в максимальной степени самим собой...

Тогда ли, когда трезв?

– Навряд ли... ведь в обычном состоянии я есть не иначе как... как комок стеснения и предрассудков.

Значит, все-таки тогда, когда выпьешь небольшую порцию вина, дабы не чувствовать оков... как, например, сейчас?

– Настоящий ли я в данный момент? А черт его знает! Все это слишком сложно... сложно, потому что ответ, который лежит на поверхности и кажется очевидным, не находит отклика в моей душе.

Место на полях закончилось. Он бросил ручку и как никогда раньше почувствовал свою усталость. Опершись подбородком на кулаки, Рома потер глаза. Такая насыщенная жизнь у него началась в последнее время... просто ужас!

16

Ничего не может утаиться с высот «камчатки» – и если вы человек, имеющий большое влияние в сферах науки, а также питаете слабость к реформам, то я настоятельно рекомендую вам перенести кафедру оратора на «камчатку». Представить страшно, сколько прелестей открылось бы лектору с новой

точки. Лысые макушки, шпартгалки в руках, карты, спящие студенты, бутылки – все это видно как на ладони.

По подобному принципу, но несколько в ином ключе Рома Зубренко оглядывал студентов с высоты... а, точнее, студенток. Целью его было выявить из них самую красивую. На первом ряду таковых девочек не имелось; из второго и третьего ряда он выделил Катю, Алину, Наташу, однако на четвертом заметил Оксану и, припомнив ее шортики, одобрително покачал головою. Как ластик стирает надпись карандашом, так и улыбка стерла с лица Ромы унылое выражение. Ураган ощущений пронесся в его голове, в груди и спустился ближе к ногам. Какая-то темная сила подмигнула ему и, не встретив на своем пути завсегдаго сопротивления, кинулась в объятия.

Рома одурел в одно мгновение, и это было заметно как по движению, которым он вырвал дубленку из-под Никиты, отчего тот стукнулся головой и на минуту перестал сопеть, так и по поступку: он оставил спящего приятеля на произвол судьбы.

Прыгая по ступенькам и тяжело дыша, Рома спускался к Оксане, которая была окружена компанией парней. Ох, как они смотрели на нее! Рома подошел к ней вплотную и, взяв за руку, исподлобья взглянул на каждого. Он хотел увести Оксану на пару слов, но тут же заметил, что все куда-то рассосались и без его вмешательства. Они остались одни.

– Рома?

– С очкариками этими общаешься?

– Ну да, чего же здесь такого? Общаюсь... как и с тобой.

– Я разве похож на них? – сказал он, чуть сжав ее руку.

– Мне так казалось, – лисья ухмылка явилась к ней на лицо, – до недавнего времени.

– Тебе еще нужна помощь в этой... как его там...

– Экономике?

– Да! Точно, в экономике. Задачи тебе нужно было показать... как их решать.

Язык плохо слушался Рому, и Оксана это прекрасно замечала. Ей не требовалось было обращаться своей к женской проницательности, чтобы уловить разницу между тем, как он путался в словах в спортзале, и как путался сейчас.

– Ну, знаешь, я читала теорию...

– И наверное, нашла там много интересных вещей?

Рома близко-близко поднес ее ручку к своему лицу. Она улыбнулась. Рома приобнял ее за талию.

– Хмм... Да, не особо интересные, – призналась она.

– Поэтому я и предлагаю тебе объяснить все наглядно. Задачи там легкие, решаются в два счета, бояться их не стоит. И, вообще... полно тебе ломаться, ведь ты мне очень нравишься. Очень!

Оксана засияла. Глаза, брови, щеки, губы ее сложились в умиленную улыбку. Она посмотрела на Рому, как на маленькое чудо, и тотчас же расцеловала его.

Маленькое чудо было в своей черной дубленке и одной

рукой держало Оксану за попу. Парочка летала в облаках, кидалась в друг друга белыми хлопьями, нежилась на пушистых подушках, хотя фактически двигалась по университетскому коридору, минуя кафедры, лаборатории и лекционные кабинеты; они были воодушевлены, они смеялись, рассказывали друг другу разнообразные истории и целовались.

Влюбленные часов не наблюдают: Рома и Оксана не заметили, как добрались до общежития. В вальсе страсти влетели они в лифт и чуть не растеряли там остатки рассудка. Их обоих до помешательства волновало лишь одно желание – любить друг друга. Дверь комнаты распахнулась. Башмаки прыгнули в разные стороны. Дубленка скользнула вниз и плюхнулась мертвой кучкой. Рома был повален на две сдвинутые скрипящие раскладушки. На него кинулась Оксана. Ее волосы залезли ему в лицо, но он собрал и отныне их придерживал, пока свободной рукой все ближе и ближе прижимал талию подруги. Футболки ударились о стену и снесли пару висящих фотографий. Рома не мог более лежать спокойно: какая-то железка впиалась и, в особенности сейчас, резала ему позвоночник. Он приподнялся, перекручивая Оксану, положил ее на спину. До него не сразу дошло, что придерживать волосы уже не представляет необходимости – и он повел дело двумя руками. Оксана изгибалась от прикосновений, млела под поцелуями; устремив пальцы в волосы, хватала и дергала его за кудри, но вдруг ни с того ни с сего выпучила глаза и, упершись ладошками в грудь, отстранила

Рому.

– Стой, стой... Не так сразу... прежде мне нужно отлучиться, – сказав это, она перемахнула через Рому, чмокнула его в губы и со сверкающей искоркой в глазах спрыгнула с кровати. Все ее движения были резки и энергичны, как у кошки. Она скрылась за угол, щелкнула замком и затаилась. Раздался шум воды и ее, приглушенный толщей стены, голос.

– Не скучай там! Я быстро.

Рома ничего не ответил и зевнул.

Вода долго еще билась о каменную плитку. Долго еще за дверью происходили какие-то приготовления, о коих даже я, автор данного рассказа, ни сном, ни духом не ведаю. Но вот шумы стихли, задвижка грохнула, дверь отоварилась – Оксана, благоухающая цветами, в одном бежевом халатике, с распущенными волосами появилась на углу у кровати и вызывающе вскинула руки. Здесь же, в метре счастья, находился и Рома: он лежал на том же месте, прямо поперек сдвинутых раскладушек, одна нога его свисала на пол, другая была поджата под себя, укрыта одеялом; руки ушли под подушку. Он храпел с открытым ртом, временами переходя на свист. Вино и отсутствие сна дали о себе знать.

прыгая с ноги на ногу, делился радостной вестью: нынче десять тридцать утра! Тяжелая лапа стукнула по будильнику, нащупала и пару раз вдавила кнопку, тем самым отложив очередной треск на сорок три минуты. Комок под одеялом пошевелился, высунул ногу и, причмокивая ртом как хомячок, засопел вновь.

Сия сцена повторилась в такой же последовательности, за небольшим исключением: будильник более не заводился.

В одиннадцать сорок, без двадцати минут полдень, две кудрявые ноги свесились с кровати. И кого же мы видим? – Наш Рома Зубренко! Он почесал взъерошенную голову, потянулся и поплелся к умывальнику.

Из ванны вышел совершенно другой человек – свежий, румяный. Он был в одном полотенце, мокрые кудри его прилипали ко лбу. Оставив за собой вереницу пяток, он остановился перед зеркалом и задрал руки. В отражении Рома увидел мускулистые плечи, шаром надутую грудь, приятно выступающие ребра, а также четыре ненавязчивых кубика на животе.

– Красавчик... Аполлон! – сказал он и, шлепая себя по груди, направился на кухню.

Рома поставил на плиту чайник, взглянул на часы. Время было половина первого. Получается, что первые две пары он проспал, на третью уже не успевал, а на одну, четвертую, и смысла не было ехать. Дома ему сидеть тоже не хотелось. Он потупил взор, поднес дымящуюся чашку ко рту и задумался:

чем бы таким заняться сегодня?

18

На дворе вовсю цвел май. Трава уже никого не удивляла, а некоторых даже и раздражала. Выскочил одуванчик, за ним еще один, и через сутки их стало больше тысячи. Черемуха, яблони, вишни накинули на плечи белую шаль. Природа протянула радостную песню, и птицы засвистели с ней в унисон.

В то время как все сливалось в единое целое и жило в гармонии, люди разделились на два лагеря. Первые славились тем, что любили весну всем сердцем, гуляли среди цветов и восторгались ароматами. Вторые же терпеть ее не могли: говорили, что на улице «воняет тухляком», безустанно чихали и, не оставляя попыток почесать свое горло, сидели дома... хотя, виноват! Есть и третий вид, яростным представителем которого является наш Рома Зубренко. Да, он изменился! Как вы можете заметить, преобразились и его взгляды. Нынче он с улыбкой на лице подмечает первый цветочек, однако же когда дело доходит до второго, третьего и последующего – все это обретает вид безделушки и, по большому счету, становится ему безразличным.

В погожий день, когда в воздухе висело семнадцать градусов – пора, при которой уже можно переходить на футболку, но все же весьма опасно при весенних ветрах, – Ро-

ма Зубренко шагал вдоль тюльпанной аллеи в своей расписной дубленке. Ему было жарковато, спина его взмокла, щеки горели, но снимать подобную красоту, которая вдобавок являлась магическим талисманом успеха, он еще не решался. Дубленка сползла с плеч, оголяя шею. Грудь его выпятилась. Руки широко раскинулись, словно под мышкой у него имелось по невидимому бочонку, и болтались туда-сюда.

Несмотря на закономерность всех этих маневров, цель которых заключалась исключительно в попытке проветрить воздух под одеждой, с виду Рома был похож на разбойника, уличного задиру и меньше всего на человека, которому жарко. Старики смотрели на него с лихим задором, мужчины снисходительно, а ровесники искоса, напрягая как нервы, так и кулаки.

Рома не замечал встречных взглядов: он смотрел себе под ноги, у него раскалывалась голова. Вечеринка прошлой ночью выдалась замечательной. По своей душевной доброте, которая проявлялась в невозможности отказать, он чокался со всеми и пил все, что только ни попадало под руку. История началась с сидра, который показался ему чересчур приторным. Для того чтобы восстановить баланс вкусовых рецепторов, он перешел на пиво, но и оно вскоре выказало слабинку – горчит; а вот медовуха пришлась Роме по душе. Когда же все начали пить водку, он сперва лакнул коньяку, затем откупорил ром, и только потом присоединился к остальным. Разумеется, Рома не пропустил мимо себя и красной настой-

ки, так же, как и пару стопочек текилы ввиду любопытнейшей методики ее поглощения.

Вопреки всему вышеперечисленному, в головной боли он обвинял исключительно медовуху.

– Какая вкусная, сладенькая... но как же от нее гудит голова! – подумал он, засовывая ключ в дверь; однако же замок не крутился, и это значило одно: дома родители.

Дверь отворилась маминой рукой. Недовольный взгляд окинул Рому с ног до головы и скрылся за угол. Рома вздохнул, как делает это морально уставший человек, которого в тысячный раз упрекают за одно и то же, и нагнулся, чтобы стянуть ботинки. Дикая боль влилась ему в голову рекою. Он выпрямился. Развязывая шнурки теперь одной рукой, придерживаясь другой за голову, он чувствовал, как тучи сгущаются над ним и готовят очередную бурю.

– Ну что, нагулялся? Где был сегодня ночью? Почему мать не предупредил? – сказал отец, сложив на груди руки и широко расставив ноги.

– На дне рождения, – ответил Рома, избегая его взгляда.

– А что, предупредить не мог? Мать всю ночь не спала из-за тебя!

– Так получилось...

– Получилось?! Ты себя вообще видел? За километр разит перегаром...

Спорить тут нечего: от Ромы скверно пахло. Голова, может быть, и болела из-за одной медовухи, но вот запах опре-

деленно сложился из целого спектра выпитого им накануне алкоголя.

– Все, хорош... – с желанием отмахнуться от неприятного разговора, Рома снял свою дубленку и повесил ее на ручку шкафа; на нее же взглянул и отец.

– Еще и этот срам носишь!

Рома сделал движение в сторону комнаты и хотел было уже скрыться за дверью, как действия отца остановили его. Тот схватил дубленку за шкурку и, будто шваль какую-то, покрутил в руках. В этот же самый момент из кармана вылетела пачка сигарет, звучно шлепнувшись на пол. Глаза отца впились в пачку, в Рому, и вновь в пачку.

– Это что еще такое?

– Сигареты, – ответил Рома, раздраженный как грубым обращением с его дубленкой, так и отцовским громким голосом, от которого голова раскалывалась все сильнее и сильнее. – Сигареты. Не видишь, что ли?

– Какие еще на*** сигареты?! – как резанный закричал отец.

– Слушай... чего ты орешь?

– Кто. Тебе. Разрешал. Курить?! – отчеканивая каждое слово, брызжась слюною, прокричал отец ему прямо в лицо.

В голове у Ромы что-то щелкнуло. Отец пропал, и возник противник, который так и норовился испытать его на прочность.

– Ну, допустим, я, – вызывающим тоном сказал Рома, чув-

ствуя свое физическое превосходство; грудь его надулась, как всегда в подобных щекотливых ситуациях. – Мне что, у тебя разрешения нужно спрашивать, что ли?!

– Ах ты... – вскрикнул отец и схватил сына за шею.

Рома вскипел. Чувство раздражения вперемешку с бешенством захлестнуло его сердце и электрическим разрядом пробежалось по телу. Весь белый свет ушел у него из-под ног. Рома посмотрел на своего родителя исподлобья. Он толкнул отца в грудь – и тяжелая рука сразу же слетела с шеи. Ярость, как липкая зараза, тотчас передалась и отцу. Он ответил тем же, а также вдобавок попытался шлепнуть ладонью по лбу. Рома покачнулся, но это лишь придало силы очередному ответному толчку; какой-то звериный звук вылетел из его груди, и Рома сперва не узнал собственный голос. Отец, скобля руками о стенку, отлетел на два метра, едва удерживаясь на ногах. Кулаки у обоих сжались и, вопреки моральным принципам, уже готовились было разрезать воздух со свистом, как из комнаты вдруг выбежала мать и встала перед дерущимися. Заглянув обоим в глаза, она поняла, что в первую очередь следует успокоить отца. Она подняла руки, как бы загораживая от него сына, и сделала несколько решительных шагов вперед.

Отец тащился за дверь и выглядел разъяренным; он кричал твердо, басисто и не переставая. У Ромы же голос дал слабинку. Он почувствовал, как ноги в коленях подкосилась и задрожали. После взрыва адреналина с неменьшей же ин-

тенсивностью наступило гадкое ощущение мандража. Тело его стало будто бы ватным.

Дрожащими руками открыл Рома кран холодной воды, смыл слезы, машинально почистил зубы. Не теряя ни малейшей секунды, он прошел в свою комнату, сменил футболку, штаны и, сунув ноги в ботинки да схватив по пути куртку, хлопнул входной железной дверью.

19

Рома Зубренко выскочил из подъезда. Произошедшее пять минут назад событие решительно сбило его с толку. Чувства его были смешаны, в голове бурлила каша. Он хотел все это непременно забыть, выкинуть из памяти; но у него ни черта не получалось. Сцена драки раз за разом всплывала перед глазами.

«Вот я стою с отцом лицом к лицу, вот толчок, затем еще один, вот отец схватил меня за шею, – Рома дотронулся до шеи и почувствовал жжение. – Да, схватил за шею... а затем я толкнул его со всей силой...» – и он вдруг припомнил лицо родителя, но уже несколько в ином свете: та невежественная сила, какую олицетворял собою отец, летела нынче на пол и, цепляясь руками за стены, походила на что-то беспомощное, жалкое, родное. И хоть он был ужасно зол на своего отца, он все равно не мог не испытывать к нему жалости.

В таких размышлениях, точно загипнотизированный,

бродил Рома по улицам города. Он ступал размеренным шагом, смотрел себе под ноги, но ни капли не ведал дороги. Как поредевшее войско собирается в кулак для последней отчаянной атаки, так и вся сила разума, которая осталась у Ромы после ночных и утренних приключений, устремилась в одну единую думу. В нем происходила борьба раскаяния с желанием оправдать себя.

В момент, когда вторая позиция начинала крепчать, а в голове его уже назревал сокрушительный аргумент, на дальнем конце улицы появилась девушка. Рома не заметил ее – а зря. Она была чертовски хороша в своем летнем платье. Белые плечи ее светились на солнце, и на груди прыгали разноцветные зайчики от ожерелья. Волосы вроде и были собраны в пучок, а вроде бы и свешивались на лицо отдельными гроздьями. Обычно любая небрежность в девушке считается ее пороком... но только не в этом случае! Ее небрежность в прическе прекрасна – и по большому счету именно потому, что в лишний раз выказывала всю беспомощность заколок пред напором ее пышных волос. Нижняя часть ее платья неустанно прыгала, обнажая колени – колени не рельефные и мясистые, какие бывают у девок гуляющих, а стройные, нежные, без прорисованных линий мышц, какими славятся отличницы, претендующие на красный диплом. Ее ножки были до сумасшествия прекрасны и в одночасье приносили миру как счастье, так и мучения. Некая светлая сила жила в ней, отчего в каждом ее движении носился лучик энергии.

Она шла в центре тротуара, мягко ступая босоножками по асфальту, крутила головой, поправляла волосы; из сумочки, которая непослушно сидела на плече, она вытащила стакан кофе, а другой рукой все продолжала держать книгу, чьим содержанием интересовалась больше всего на свете в данную секунду.

Точно в это же мгновение Рома почувствовал удар в плечо. Что-то коснулось его ляжки, щекотнуло и обдало жгучей болью. Ах гадость!.. Ужасное черное пятно растянулось на его белой штанине. Все до единой жилки дрогнули в нем, и сквозь стиснутые зубы вырвалось рычание. Рома поднял глаза. Пред ним оказалась девушка. Глаза ее выпучились и замерли от испуга. В руке у нее был стаканчик, который смотрел на Рому дном, а в другой, прямо перед лицом, находилась книжка. Губы ее едва заметно дрогнули.

– Прости меня, пожалуйста. Я... Я случайно...

Рома покачал головой и вновь поглядел на пятно; оно стало коричневым. Он покрутился, оттянул штанину, но разглядеть, где именно берет свое начало это чертовое пятно, ему не удалось, хотя, как по иронии судьбы, тянулось оно откуда-то сзади.

– Надо же, как странно выглядит... – сказал Рома, осознавая комизм ситуации, и кинул взгляд на девушку, отчего она, смущаясь пуще прежнего, скривила виноватую улыбку. – Что ж, ладно, придется теперь так ходить. Неплохо, а?

– Если это застирать сейчас, то... то пятна тогда, может

быть, не останется.

Рома хотел ринуться домой, дабы не упустить шанса спасти штаны и как можно скорее замочить их в тазике... но в тот же миг осознал сложность своего положения. Он нахмурил брови.

– А салфетки у тебя есть?

– Конечно, – ответила девушка, тотчас же уткнувшись носом в сумочку.

Как зверек крутит лапами при раскопке ямы, как он раздувает ноздри, сжимается и вытягивает голову, сосредотачивая внимание на конкретном предмете – так и девушка копошилась в своей дамской сумочке, временами украдкой поглядывая на Рому. Под руку ей лезли самые ненужные предметы: сверток таблеток, тетрадки, крем, бутылочка с водой, пудра, зеркальце, ключи, помада, пачка салфеток, карандаши... так, стоять! Салфетки! Она вытащила, протянула ему пачку, в которой, к великому сожалению, осталось лишь несколько штук. Рома сел на скамейку; потирая штанину, он окинул темную лужу в центре дороги.

– Что за кофе-то хотя бы было? – сказал он со вздохом, переводя взгляд то на девушку, то на лужу.

– Кофе?.. Латте.

– Вкусный наверное.

– Да. Мой любимый, – и она, наконец-таки решившись, под села на краешек скамейки.

– Не прошло минуты с нашего знакомства, как я уже знаю

некоторые твои слабости, – Рома с улыбкой посмотрел на нее; она тоже улыбнулась и опустила глаза.

– Ты по делам, наверное, шел?

– Ну... не совсем уж по делам. Так, просто гулял.

– Отчего же тогда не идешь домой? – она показала пальцем на пятно.

– Обстоятельства сложные. С родителями поссорился, – не успел он закончить своих слов, как заметил вопросительно поднятую бровь, – сильно поссорился, да так, что домой дороги нет. Я решительно туда не пойду.

– И что же? Будешь в грязных штанах ходить?

– Разумеется, нет. Сейчас ототру, и дело с концом.

Рома поднес салфетку к ноге, зажмурился и со всей силы принялся тереть пятно. Девушка же, упершись кулаком в подбородок, мысленно смеясь над его непрактичностью, стала наблюдать за тем, как пятно с каждой секундой расплзается все сильнее и сильнее.

– А тебя, кстати, как зовут? – сказал Рома, косясь на девушку одним прищуренным глазом.

– Аня.

– А меня Роман...Рома! Мне очень приятно с тобой познакомиться.

– Очень приятно?

– Да.

И Аня отвернулась в попытке не выдать себя: она больше не могла смотреть на всю эту картину спокойно. Смех

скрутил ее грудь и вырвался наружу. Она вскинула голову, закрыла лицо руками и захохотала так, что скамейка затряслась вместе с нею. Рома посмотрел на Аню, обласкал взглядом ее пышные волосы, оголенные платьем плечи, и стрелой пробежался по талии и ножкам. Он был доволен, что вызвал у нее такие положительные эмоции, но что-то насторожило его... тогда-то он и обнаружил на своей ноге пятно, в два раза больше предыдущего, и общего смеха не разделил.

– По-моему не смешно.

– Ха-ха! Сме... мешно... Ах... Ха-ха! – Аня повернула голову и, завидев коричневого цвета пятно во всю штанину с грязной салфеткой, засмеялась еще пуще; она пыталась что-то сказать, но выходили лишь какие-то непонятные звуки.

– Да ну тебя! – вскрикнул Рома, отскакивая от скамейки.

Раздраженный, что над его горем так беспощадно насмеяются, он решил уйти прочь. «Красивая, но... но какая же дура! А сперва показалось мне такой робкой, манерной... Надо же, смеется надо мной. Хм! Сама же облила, а потом еще и смеется. Дура. Дура!» – бранился он про себя, и делал это все сильнее, потому что спиной чувствовал ее присутствие. Роме казалось, что Аня идет за ним по пятам, но дабы убедиться в этом, ему требовалось обернуться – чего делать он ни в коем случае не собирался.

– Ром, – раздалось за спиной. – Ром, подожди!.. Прости, все это так смешно выглядело, что я никак не могла сдержаться. Ну правда ведь...

– Опять смеяться надо мной пришла? Между прочим, ты мне кофе на ногу пролила.

– Да. Знаю. Я поэтому и... в общем, если хочешь, то я могу их постирать. Нужно будет только домой зайти нам...

Последние слова смягчили Рому. Он просиял, но всем видом старался показать обратное; словно обреченный на вечные муки, он упер взгляд вдаль, набил полные легкие воздуха и сказал:

– Ладно, пойдем.

«Вот что значит сила дубленки! Девушки нынче так и клеятся ко мне, когда же недавно такого не было... да что уж тут говорить – раньше у меня с ними совсем ничего не получалось. Может, она и вправду волшебная?» – и Рома скрестил руки на груди, как бы поглаживая воротник в знак благодарности за все приносящие ему блага. Мехавого воротника не оказалось. Вместо этого был тряпочный капюшон. Рома в замешательстве поднял руки и обнаружил на себе синего цвета ткань. Как?! Где дубленка? Где мой талисман?..

Дубленки на нем не было! Но разве это важно? Ведь он уже поднимался в квартиру к Ане.

Часть третья

20

Удивительно, как одно случайное событие может разворотить человеческие отношения, оборвать ту невидимую связь, которая с непосильным трудом выстраивалась меж людьми годами, по щелчку пальцев обращая настоящую жизнь со всеми ее эмоциями, страстями и радостями в тяжелое и невыносимое воспоминание. Как порою может сблизить оно людей совершенно незнакомых – тех, у кого и не хватило бы духу заговорить друг с другом при *обыденных обстоятельствах*.

– А нет ничего поменьше? – крикнул Рома, стоя в одних трусах перед зеркалом; он приложил к поясу бриджи бежевого цвета с тридцатью карманами, которые смотрелись на нем как штаны-шаровары.

– Надевай то, что есть! – прозвенел голос за дверью.

– Ну что за комедия...

– Что говоришь?

– Комедия какая-то.

– Что?

– Да... ничего я не говорю!

Рома залез в бриджи и, придерживая их одной рукой, от-

крыл дверь. Аня стояла к нему спиной, с неподдельным вниманием глядела в зеркало, совершала неестественные, но милые движения губами, очевидно размазывая помаду. Она заметила его в отражении.

– А тебе идет, – сказала она, стараясь подавить смущение, вызванное неожиданным появлением Ромы.

– Большое спасибо!

Рома ухмыльнулся, и как бы привлекая ее внимание, поднял кверху ладошки. Бриджи сползли и тут же плюхнулись на пол.

– Но только они мне немножко большеваты.

– Ах! Что ты... – вымолвила Аня, прикрывая рукою рот, отвернулась и быстрым шагом направилась в другую комнату, однако, голос ее искрился смехом.

– Ты же сама сказала, что мне идет!

– Оденься, быстро!

– Какие мы недотроги... – пробубнил себе под нос Рома и следом же сказал погромче. – И что, мне всегда вот так ходить с рукою на поясе?

– На, вот, завяжи, – из угла вылетел розовый шнурок.

– Что завязать?

– Штаны.

– Нет... ты издеваешься?!

– Простите, но другого у меня нет.

– Я не буду этим...

– Если не завяжешь свои штаны, я сейчас же выставлю те-

бя за дверь! – перебила его Аня вдруг совсем строгим голосом, в котором чувствовалось раздражение.

– Ну это уже ни в какие ворота не лезет...

Рома с кислой гримасой натянул до живота бриджи, обмотал вокруг пояса розовый шнурок, завязал на конце пышный бантик. В таком виде он появился в ванной и злобно, деловито – тоном, каким начальник обращается к своему косячному подчиненному, сказал:

– Ну, что там с моими штанами?

Аня сидела на полу у стиральной машинки; она первым же делом посмотрела на его ноги, на пояс, и, не поднимая головы, заглянула Роме в лицо. Глаза ее блеснули и тотчас же мелькнули обратно на крутящийся барабан.

– Вот они.

– Ну а долго еще?

– Нет, пять минут, – вставая, сказала она. – Расслабься, чего ты как дерганный?

Поводов «дергаться» для Ромы было несколько. Во-первых, он всю ночь не спал, а утром подрался с отцом – нервы его были на пределе. Во-вторых, он находился в этих чертовых бриджах с бантиком перед красивой девушкой – самоуверенность его пошатнулась. В-третьих, его окружала аристократическая обстановка квартиры, что было ему в крайней степени непривычно – и он чувствовал себя не в своей тарелке.

– Может быть, чаю пока попьем? – сказала Аня, тем са-

мым надеясь ободрить своего гостя; она ждала от него какой-нибудь шутки про кофе, но в ответ услышала лишь задумчивое мычание.

– Э, чаю... да, давай попьем чаю.

Даже столь недюжинная натура Ромы была обделена некой тонкостью чувств, требуемой для понимания людей и называемой проницательностью, а те ее крошки, которые он почерпнул из книг в минуты уединения среди стен своей комнаты, нынче унеслись ветрами бурной жизни. Слова про чай Рома воспринял иначе. Все время, пока они шли на кухню, он собирался с духом, и как только Аня повернулась к нему с вопросом: «сколько тебе ложек сахара», он ткнулся губами в ее губы.

21

Эх, мой уважаемый читатель... Позволь поделиться одной мудростью, которая открылась мне еще в молодости: если жизнь ставит перед тобой сложные, на первый взгляд непостижимые вопросы, то ты не должен думать, что на них нет ответа. Незачем человеку взваливать на плечи бремя неизвестности, подбирая тысячи ключей к одной двери, когда она просто-напросто не имеет замочной скважины. Ты не должен идти на поводу у всех этих философских вопросов о смысле жизни, о своем предназначении и мире в целом. Нет. Ты и без того знаешь ответ... на такие сложные вещи, такой

простой ответ: *«потому что так надо»*.

Рома Зубренко сидел на кухне, смотрел в кружку и держался за красную щеку. Он задавал вопросы: «Почему я вообще встретился с нею? почему она окатила меня кофе? почему она позвала к себе домой, а потом... а потом дала мне по роже?». И, прижимая холодный кулак к огненному месту, сам себе отвечал: *«потому что так надо»*. Рома не был фаталистом и никогда им не являлся, но сейчас же он уверял себя, что Аня – это его судьба, пусть и вся такая возвышенная и недосыгаемая.

В это же время героиня его дум вышла из ванны; злобно сверкнув глазами, она метнула в него штанами и указала на дверь.

– Они же мокрые еще... – пролепетал Рома.

Аня повторила жест.

– А чай?

Она все то же.

– Ты меня выгоняешь, значит? – вдруг настороженно спросил он.

Аня дала твердо понять, что да – выгоняет. Она требует этого!..

Рома поднялся из-за стола, и, принимая вызов, подошел к ней на расстояние вытянутой руки, еще несколько опасаясь очередной пощечины. Взглядом, выражающим всю силу характера, он уставился ей прямо в глаза... как вдруг шея его сама по себе вытянулась, и их носы оказались в сантиметре.

– Ну! Давай! Шлепни же мне еще разочек! – сказал Рома, всем своим видом демонстрируя сомнение в авторитетности ее приказов. Ох!.. но вы бы только знали, какое чувство проткнуло его в тот самый момент, когда Аня, не выдержав взгляда, опустила глаза. Умиление, жалость и восхищение пронеслись в нем разом, а следом явилось сознание, что своим поступком он уж очень сильно напугал Аню, хоть, в сущности, хотел совсем немногого: уловить малейшую перемену выражения на этом прекрасном личике.

Пощечины так и не последовало. Рома двинулся к выходу и... и если б он в большей степени владел собою в данную секунду, то услышать слова, которые незамедлительно полетели в спину, никакого труда ему бы не составило.

22

В отличие от Ромы, Аня была верна своим словам: все те эмоции, которые язвительно щекотали грудь, она сумела выразить одной простой фразой:

– Какой ты... неотесанный дурак!

Только о единственном сожалела она – что не сказала ему это в лицо, когда на то была возможность. Но, черт побери, разве можно было противостоять его напору? Она, точно котенок, потерялась перед ним, ведь Рома – все-таки мужчина. В нем существует одно начало, одна и та же сущность предстает как отрицательной стороной: резкость, гру-

бость, невоспитанность... так и стороной положительной – его твердый характер, некий внутренний стержень.

Аня вытерла на полу две мокрые полоски от его штанов, нашла тот самый розовый шнурок у двери, убрала чашку с чаем, из которой Рома сделал не больше двух глотков, и вскоре пожалела, что обошлась с ним так резко. Она вспомнила кудрявую голову и едкий запах табака; его реакцию, когда он узнал о квартире на двадцать третьем этаже и взгляд – прямой, ясный, которым он смотрел на нее; вспомнила о столкновении, о силе, о поцелуе...

И каждый раз, когда Аня отрывалась от воспоминаний, она находила у себя сильный стук в груди, а на губах застывшую улыбку. В чем заключается причина ее душевного волнения? – вопрос, ответа на который она не находила... а сказать точнее, прикладывала все усилия, чтобы *его* не находить.

23

Ну и оставим гордую девочку, пусть разбирается со своим внутренним львом наедине! Мы же вернемся к нашему доброму другу – Роме Зубренко, для которого гордыня есть пустой гонор, но честь и достоинство значит что-то действительно многое.

Угрюмый и озабоченный покинул он мраморные хоромы подъезда. В одной руке у него были постиранные штаны, а

другая отирала пот на лбу. На нем до сих пор висели бриджи, и вспомнил он об этом не сразу, а как вспомнил, то было уже поздно: дверь закрылась, чуть было не прищемив ему пальцы.

– Ну что ж поделаться... – сказал он и, оглядываясь по сторонам, передел штаны прямиком на лавке.

Куда теперь ему идти? Этого он и сам пока не знал. Мысли его имели вид сборной солянки: ссоры, девушки, драки, родители... Ох, неужели Рома является зачинщиком и порождает скандалы?.. или это все такие конфликтные вокруг него? Ответа он не нашел, но в виде озарения открылось ему – избавиться от гадости на штанине гораздо проще, нежели избавиться от гадости на душе. Кофейное пятно отстиралось, ибо на свете есть мыло, щетка, в то время как для второй ситуации верного средства нет... существуют лишь извинения да благие поступки, которые ровным счетом ничего тебе не обещают.

Рома миновал то самое место, где Аня окликнула его, прошел скамейку, на которой они болтали, махнул через лужу кофе на асфальте, и некие сомнения заползли к нему в душу. Милое личико улетело от него и явился образ высокомерной, холодной девицы. Если б только не эти бриджи, которые должен вернуть, и то нахальное поведение с его стороны, за которое следует извиниться, то он предпочел бы более никогда не встречаться с Аней.

Но что ж теперь думать об этом: сделанного не воро-

тишь... Роме точно придется встретиться с нею, и, быть может, цветами он загладит свою вину... однако, первым делом ему стоит помириться с родителями. Да и, вообще, пора бы уже перестать быть таким... таким... дураком!

Полдевятого. Вечер. Красивой, но однообразной картиной плывет розовая вата по небу. На земле воцарилась всеобъемлющая нега, и ее влияние стало так велико, что даже солнце, поглядывая на мир матовым глазом, едва сдерживало дрему. Но, стойте!.. Стойте!.. Бежит тучка!.. С криком, точно избалованный ребенок, влетела она в центр композиции, пнула, растолкала все вокруг себя, и тут же ринулась в другую сторону. С намерением плюнуть в сердце города явилась она, но получилось все то же, что и всегда – сцепилась с облаками и расхныкалась. Вся в слезах убежала тучка... и за нею устремилось всякое людское безразличие. «Радуга», «радуга!..» единым голосом закричали дети, указывая пальцем вверх. И действительно... Какой красивый мост раскинулся над городом! Люди задрали головы; одни убедились, что волшебство существует, а другие очередной раз прокрутили в голове процесс возникновения физического явления. Кто-то вышел подышать свежим воздухом на балконе, кто-то принялся бродить по улицам, а кто-то...

А кто-то – в белой рубашке, выглаженных брюках, с буке-

том цветов сидит на скамейке и, потирая щетинистые щеки – которые не выбриты по досадной оплошности, – думает: «черт побери, как же быстро пролетели эти два года с нашего знакомства!..»

Он откинулся на спинку и вдохнул полной грудью. Усталость после рабочего дня дает о себе знать.

– Без пяти минут девять. Интересно, опоздает ли она?.. – закатывая рукава, подумал он, – впрочем, опоздает, как всегда.

Он залез в карман, чиркнул спичкой и закурил сигарету. Под гнетом круглой даты его так и тянуло на всяческую лирику. «Как все изменилось, подумать только...». Он припомнил свою девушку образца двухлетней давности, сравнил с тем, какой она является сейчас, и пришел к выводу, что теперь она меньше красится, строже одевается, подняла волосы и более не пользуется помадой с блестками... Он поднес сигарету ко рту, сделал первый полный затяг, как в толпе мелькнуло белое платье.

– Вот и прокурили, называется!.. – не до конца понимая, следует ему иль плакать, иль смеяться, он топнул ботинком по сигарете и схватил букет.

Средь летающего в воздухе пуха приближалась к нему девушка; в точности как ангел была она. На ней было роскошное белое платье, которое сидело так хорошо, как не сидело ни на одной земной женщине. В груди оно было пышным, а в талии слегка облегалo – что выглядит особенно красиво

при отсутствии вульгарности. Если и есть самый приятный баланс между цветами, то, без всяких сомнений, им является белоснежная, немного помятая одежда на фоне нежной кожи.

Девушка подбежала к нему и, замечая, какой восторженный взгляд обращен в ее сторону, рассмеялась.

– Ты такая...

– Пунктуальная? – сказала она, моргнув глазками, и прильнула к нему.

– Очаровательная... ну, и пунктуальная тоже.

Поглаживая ее по спине, он взглянул на часы. Время было две минуты десятого.

– Как твой день прошел?

– Нормаль...

– Сильно ты, – перебила она своим звонким голосом, – сильно устал?

– Нет, нормально... – он хотел обнять ее двумя руками, но букет помешал ему. – Ох, Аня, это же тебе!

– Спасибо мой милый Рома! А что за праздник сегодня?

– Как это? – брови его нахмурились.

– Да шучу же я! Хи-хи-хи!.. Сегодня ровно два года, как я пролила на тебя кофе! – сказала она, радуясь про себя за то, что ей удалось одурачить Рому.

– Ооо, да, это верно. А ты ведь и вправду забыть могла, я тебя знаю.

– Угу, конечно!.. – она решительно потрянула головой и

глаза ее сверкнули. – Спорим, что ты первый забудешь дату нашей первой встречи?

– Смотря, на что спорить будем.

– На желание!

– Не... Давай лучше на пять тысяч?

Аня задумчиво посмотрела себе под ноги. Рома с улыбкой на лице готовился встречать очередную победу; ему доставляло удовольствие поджигать фитилек страсти в ее живой натуре.

– А давай! – выпалила вдруг Аня и протянула ему руку. – Спорим!

Их пари было заключено на каменной лестнице, прямо у ног небоскреба, на последних этажах которого находился ресторан с великолепной панорамой города. Для похода в этот ресторан Рома отложил треть своей месячной зарплаты, что являлось тяжелым для сознания обстоятельством, но таким жалким и незначительным в нынешний вечер. Аня держала Рому под руку, оплетая обеими руками его локоть, и как только они добрались до последней ступеньки, двери перед ними тотчас же растворились. Лакей во фраке приветливо склонил голову.

– А Москву отсюда хорошо видно, – сказал Рома, держа в руке бокальчик шипящего шампанского.

– Да... Ты еще посмотри на эту луну. Она такая большая и желтая сегодня.

– Это точно.

– Знаешь какое-нибудь стихотворение про луну?

– Ха-ха, нет! Ты же знаешь, что поэзия – не сильнейшая моя сторона.

– Как ты быстро меняешься во вкусах! А помнится мне, что кто-то совсем недавно читал Онегина.

– Я? Ничего подобного... – сказал Рома с ухмылкой, припоминая те самые строчки про ножки.

– Я тебе сейчас даже их воспроизведу, погоди-ка...

Аня устремила взгляд куда-то вверх, вдохнула полной грудью и начала было читать четверостишие: «Ах! долго я забыть не мог две ножки...», как вдруг запнулась на полуслове – у столика находился официант.

– Прошу прощения, ваше блюдо готово. Прикажете подать сейчас или несколько позже?

– Нуу... – и Рома взглянул на Аню с тем, чтобы угадать ее желание, но кроме смущения на покрасневшем лице ничего более не нашел. – Подавайте через десять минуточек.

Официант поклонился, кивком дал понять, что все будет в лучшем виде, и поспешил к другому столику. Рома взял Аню за ручку и лицо его засияло.

– Сейчас будем есть устрицы!

– Ага... – уныло сказала она.

– Ну, чего ты?

– Не люблю, когда вот так встревают в разговор!

Злость ее была так велика, что она, сама того не подозре-

вая, сжала в кулаке Ромин палец.

– Да, понимаю, – сказал он, едва сдерживая свое умиление.

– А я не понимаю. Неужели нельзя было подождать, пока мы договорим?

– Нельзя.

– Отчего же? – и бровь ее поднялась, что являлось знаком сильнейшего недоумения.

– Хотя бы просто потому, что мы сидим, отдыхаем и нам ни до чего нет дела, а он носится уже вот целый день, и каждая минута у него на счету.

Аня плюхнулась в подушки с нежеланием принимать свою неправоту, но перебивать Рому не стала.

– Обычно, чтобы понять поступки людей, я просто ставлю себя на их место, будто бы перемещаюсь в чужое тело, сознание и ситуацию. И, знаешь, тогда все то, что раньше вызывало у меня негодование, становится таким естественным и... и закономерным что ли. Даже если у меня и не получилось понять какой-либо странный поступок, его всегда можно объяснить тем, что характер у всех разный, и странность эта является лишь разницей нашего восприятия... Так к чему я все это, – обнаружив, что мысль его пошла несколько по кривой, Рома метнул взгляд на Аню, дабы распознать: слушает она или нет.

Ох... какое блаженство он испытывал каждый раз, когда замечал блеск внимающих глаз; и какое, не уступающее по

эмоциональной напряженности чувство досады поселялась в его груди при виде зевающего рта. Удивительно, но столь разнообразные эмоции выливались в одну простую закономерность: он любил Аню тем сильнее, чем больше наблюдал чужих зевков.

К тому моменту, когда Рома обратил внимание на Аню, она уже приподнялась с подушек и, прищуривая глаза, ловила каждое его слово.

– ... я это все я к тому, что и тебе нужно бы почаще представлять себя в шкуре других людей.

– Звучит кровожадно! – она захихикала, но не прошло и секунды, как серьезность вновь завладела ею, – но для этого, наверное, требуется много фантазии... у меня ее столько нет.

– Не столько фантазия, сколько мудрость и проницательность. Я уже два года прошу тебя поделиться со мною этими качествами, а ты все никак не хочешь; у тебя ведь не убудет, а мне бы это точно не помешало.

Аня залезла под бок к Роме и обняла его руку.

– А вот и ракушки едут...

– Сам ты ракушка! – оборвала его Аня вновь жизнерадостным голоском, – это устрицы.

– Ракушки они и есть ракушки.

Три официанта приближались к столику: один нес шампанское в ведерке со льдом, другой катил столик с железным колпаком; для чего нужен был третий, который только и делал, что держал на руке полотенце – ни Аня, ни Рома так и

не поняли. В бокалах зашипело шампанское, а из-под колпака вылезла ваза с морепродуктами, с большими-большими устрицами.

– Попробуй сделать то, о чем я говорил.

– Что именно?

– Влезть в шкуру официанта.

Последние слова Ромы были громкими, по крайней мере, так показалось Ане. Брови ее подпрыгнули, и она стукнула его каблуком под столом.

Хоть Рома и подпортил общее впечатление о блюде своими дурацкими сравнениями, мидии оказались верхом кулинарного искусства. После ресторана они еще несколько часов гуляли по улицам, и только когда горизонт пустил белую полосу среди бирюзовой дымки, Аня с Ромой пришли в свою новую, всюду заставленную чемоданами квартиру.

Они опустились на кровать, укрылись ватным одеялом.

– Я спать хочу, – сказал Рома, заплетаясь языком от усталости. – Я спать хочу. Конечно же, я люблю тебя больше жизни.

И он, такой сильный и большой, скрутившись комочком, сладко прижался к ее плечу. «Какая же она милая, родная...» – промелькнуло в его голове.

Через минуту Рома засопел, хотя Аня еще долго не могла уснуть. Она с затаенным дыханием прислушивалась, как что-то нежное, возбужденное, крепкое, ранее небывалое чувство распускается в ее душе. Губы ее сложились в осо-

бенную улыбку. Она вдохнула полной грудью и, поцеловав в волосы, сильно-сильно обняла его голову.

За окном пылал рассвет. Заря поползла по стенам, усыпала предметы нежным блеском, исполосовала комнату тенями от занавески и легла на одеяло. Так они встречали свою новую, взрослую и... и такую светлую жизнь!

2019г.